

Сергей Николаевич Чирун

доктор политических наук,
доцент кафедры философии и политологии
ГУ ВО «Кемеровский государственный университет»
(КемГУ), г. Кемерово, Россия.
E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

КОНСЕНСУСНАЯ (СЕТЕВАЯ) КОРРУПЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена актуальному для России феномену консенсусной, или сетевой, коррупции. Сетевые коррупционные отношения, по мнению автора, вырастают в нашей стране на благодатной почве, которую представляет собой неопатримониальный стиль правления. Автор дает описание основных характерных черт этого стиля правления, особо отмечая, что у правящих групп в условиях неопатримониализма появляются неконтролируемые возможности использовать реализацию важнейших общественных функций и институциональных процедур в качестве источника для личного и группового обогащения в ущерб общественным интересам.

В статье также рассматриваются проблемы регулирования взаимодействия исполнительных органов государственной власти с институтами гражданского общества, а также необходимость перехода от корпоративной к партнерской модели отношений власти и бизнеса.

Автор показывает, почему и как антикоррупционный дискурс сегодня выходит на авансцену политической жизни общества и почему до сих пор в нашей стране столь малы реальные достижения в борьбе с коррупцией.

Так, многочисленные антикоррупционные кампании, инспирированные из Кремля, по мнению автора, имели основной задачей лишь перенаправление финансовых потоков для укрепления контроля над политическими и экономическими ресурсами в целях совершенствования управляемости властной вертикали, а вовсе не искоренение причины коррупционных отношений.

В статье приводятся различные виды коррупционных отношений и подчеркивается, что коррупция, особенно сетевая коррупция, наносит существенный вред социально-экономическому и политическому развитию России, а в условиях окончания посткрымского политического консенсуса угрожает национальной безопасности и суверенитету России.

Особое внимание автор, опираясь на неонституциональный подход, обращает на структуры реальных, а не формальных общественных

отношений, и в первую очередь на структуры отношений между властью и обществом, на которых и паразитируют основные виды сетевой коррупции.

Автор настаивает на необходимости скорейшего и радикального перехода от распространенных сегодня симулятивных антикоррупционных кампаний к реальной борьбе с этим явлением, которая должна быть обращена, в первую очередь, на сетевую форму коррупции и в итоге привести к изменениям на уровне организации структур управления.

Ключевые слова: неопатримониализм, рентоориентированное поведение, административное общество, клан, политический транзит, клиентелла, парантелла, непотизм.

Сегодня коррупция называется экспертами в числе наиболее серьезных препятствий на пути политического и экономического развития большинства государств постсоветского пространства, и Россия здесь не является исключением. В этих условиях коррупционные отношения вырастают на благодатной почве, которую представляет собой неопатримониальный стиль правления.

Выделяются следующие особенности этого стиля: политико-управленческий центр не зависит от демократических институтов и региональных структур. Центр концентрирует в себе путем отчуждения у периферии наиболее значимые экономические, политические и символические ресурсы (капитал), блокируя механизмы общественного контроля над ресурсами, не давая обществу отслеживать их использование. В этих условиях государственное управление осуществляется политическим классом по модели частного домовладения (патримониума), в котором правящие группы – носителем государственной власти – рассматривают реализацию различных общественных функций и институциональных процедур в качестве источника для личного обогащения.

В российских условиях, по мнению исследователей, в процессе реализации множественных неформальных практик власть не выполняет функции выразителя общественно-публичных установок, но, скорее, выступает носителем корпоративно-частных интересов (Левин, Саблин, Руцкий 2018).

Набор базовых понятий, сопутствующих феномену сетевой коррупции (клиентелла, непотизм, трайбализм), можно полагать неотъемлемой характеристикой отсталого государства

(Medard 1982). В отличие от них еще одно понятие, необходимое для объяснения феномена сетевой коррупции, – неопатримониализм – обозначает постмодернистский феномен, который самым причудливым образом сочетает элементы традиции и современности, но принципиально отличается от тех и других. Ключевым фактором формирования неопатримониализма является то, что «несовершенное государство» в его переходном состоянии обретает атрибуты стабильности и устойчивости и его состояние уже не воспринимается в качестве временной транзитной стадии в процессе формирования устойчивого демократического государства.

В таком случае приоритетными целями государственной власти становятся уже не усилия, направленные на прогрессивные изменения и дальнейшее развитие государства, а лишь поддержание общественно-политической стабильности и достижение политической элитой собственных корпоративных интересов, что обеспечивается через «заморозку» конкурентного политического процесса и через механизмы неопатримониальной политики (Фисун 2010: 168).

Неопатримониализм является режимным гибридом, в котором политические традиции и образцы, присущие патримониализму, сосуществуют с современными государственными институтами, что достаточно часто наблюдается на постсоветском пространстве (Гельман 2015).

Хотя политическая и административная системы в условиях неопатримониализма формально строятся на рационально-легальных основаниях, чиновники занимают позиции в управленческой иерархии в соответствии с полномочиями, которые институционально закреплены, но на практике эти полномочия реализуются ими «как форма частной собственности» (Clapham 1985: 48).

Столь очевидная функциональная деформализация, имеющая место в большинстве стран постсоветского пространства, во многом является результатом институционального транзита, связанного с процессами догоняющей модернизации. Формально заимствованные политические институты существуют в отрыве от реального политического процесса, поскольку их функционал противоречит интересам доминирующих политических акторов (Хлопин 2004: 6). На практике же сохраняются

все кланово-родственные связи, что вместе с высоким статусом чиновника в обществе создает питательную среду для развития сетевой коррупции.

Отметим, что из всех возможных форм неопатримониализма наиболее благоприятна для развития отношений сетевой коррупции его хищническая форма. Такую форму отличают:

- высокая степень концентрации единоличной политической власти в государственном правлении, ориентирующемся преимущественно на запросы и интересы «хищнической коалиции». Такой режим критически зависит от личной преданности (особенно со стороны силовых структур), а будущее правителя напрямую определяется динамикой интересов коалиции (Bavister-Gould 2011: 1);

- режим, который опирается на административный контроль за ресурсами страны, проявляя при этом очевидную неспособность использовать экономический потенциал для эффективной реализации сколь-либо долгосрочной стратегии развития (Телин 2018);

- легитимация хищнического неопатримониализма, основанная как на запугивании, так и на перспективах вознаграждения в случае проявления лояльности режиму и осуществляемая посредством включения в орбиту неформальных институций консенсусной коррупции;

- перманентная эрозия политических, экономических и правовых общественных институтов и, как следствие, глубокие проблемы в национальной экономике (Мельников 2018).

Согласно результатам исследований если общественный статус взяточдателя превосходит статус взяточполучателя, то со временем коррупционные отношения приобретают характеристики взаимного обмена дарами и приводят к формированию сетевой формы коррупции (Wertheim 1970). Отметим, что в отличие от рыночной коррупции, которая, по мнению политологов и экономистов, может быть полезна на определенных этапах экономического развития, поскольку помогает (смазывает колеса экономики) в условиях неэффективных формальных институтов (Huntington 1968), сетевая (консенсусная) коррупция, напротив, всегда исключительно негативно влияет на экономику страны (Meon, Sekkat 2005).

С начала 2000-х гг. в России стал активно проявляться неопатримониальный стиль правления, вследствие чего уже в этот период наметился переход от доминирования рыночных и рыночно-бытовых форм коррупционных отношений к доминированию сетевых и редистрибутивных форм коррупции (Yakovlev 2013).

Например, В.В. Радаев называет взятку примитивной формой отношений между властью и бизнесом, которая постепенно трансформируется в длительное сотрудничество, нередко скрепляемое отношениями дружбы (Радаев 1998).

Таким образом, происходит постепенный переход от собирания дани с бизнеса криминальными структурами к партнерским отношениям между властью и бизнесом. Массовая коррупция сменяется элитарной, что в значительной мере совпало с укреплением государственной властной вертикали в Российской Федерации.

До тех пор пока коррупционные потоки были рассредоточены и носили преимущественно «рыночный характер», у Кремля отсутствовали действенные инструменты укрепления вертикали власти. Поэтому можно предположить, что многочисленные антикоррупционные кампании, инспирированные из Кремля, имели основной задачей перенаправление финансовых потоков для укрепления контроля над политическими и экономическими ресурсами в целях совершенствования управляемости властной вертикали.

Даже громкие антикоррупционные кампании последних лет, суды над бывшим министром экономического развития Алексеем Улюкаевым, над бывшими губернаторами Н.Ю. Белых и А.В. Хорошавиным, а также серия громких задержаний в Дагестане, арест замов и последующая отставка губернатора Кемеровской области А.Г. Тулеева – все это не произвело достаточного эффекта, чтобы признать какие-то подвижки в реальном противодействии коррупции.

Согласно данным международной организации *Transparency International*, Россия в 2017 г. занимает по Индексу восприятия коррупции (ИВК, *Corruption perception index*) 135-е место из 180 и находится на одном уровне с такими государствами, как Доминиканская республика, Гондурас, Лаос, Мексика, Папуа – Новая Гвинея и Парагвай (*Transparency International* 2017).

Однако реальным результатом реформ, проводимых в системе государственного управления, и многочисленных антикоррупционных кампаний явилось сокращение числа акторов, способных предоставлять безопасные коррупционные услуги, и фактическое ограничение их сетевыми рамками «Политбюро 02». В итоге акторы, не обладающие прямым выходом на «сети», либо кандидаты в члены «Политбюро 02»¹ потеряли доступ к безопасным коррупционным услугам и окончательно перешли в категорию аутсайдеров – девиантов; в их отношении уголовные дела стали не только активно возбуждаться, но даже в отдельных случаях искусственно фабриковаться, как, например, было со знаменитыми делами «Кировлеса» и «Ив Роше», осужденные по которым в итоге получили значительную компенсацию от Российского государства (Навальный получил... 2018).

В результате получается, что такие формальные институты, как правовое государство, выборы, многопартийная система, во многом соотносятся с категорией симулякра, поскольку реальные практики их функционирования складываются в интересах сетевых коррупционных структур, и это обуславливает избирательную реализацию правовых норм. Субъекты политики и экономики в данной ситуации преимущественно ориентируются на правила «своего» патрона, клики или клана, а не на букву и дух Закона, тем самым воспроизводя и развивая систему сетевых коррупционных отношений. Поэтому, по мнению политологов, современная Россия предстает в образе «кентавра», в котором экономические классы все интенсивнее переструктурируются по лекалам квазисловесных коррупционно-сетевых отношений. В этой ситуации рыночные отношения и общественные институты вынужденно отходят на задний план (Мартьянов 2016).

Именно неформальные практики, по мнению исследователей, выполняют следующие основные функции: 1) заполняют вакуум формальных норм; 2) вытесняют формальные нормы, находя более оптимальное соотношение затрат и результата; 3) используют формальные нормы в качестве механизма контроля неформальных договоренностей (Барсукова 2015).

¹ Термин «Политбюро 02» предложен политтехнологом Е.Н. Минченко.

Среди наиболее распространенных практик сетевой коррупции можно назвать передачу «нужным людям» долей в бизнесе, внеконкурсное распределение тендеров среди поставщиков товаров либо услуг, продажу госактивов подставным компаниям по ценам, отличающимся от рыночных. Об этом, в частности, пишет С.П. Глинкина. Она уточняет трансформацию форм сетевой коррупции, утверждая, что если еще недавно коррупция предполагала «„откуп“ конкретного чиновника конкретной структурой, то теперь все чаще» наблюдается «его включенность в сеть взаимных услуг не возмездного характера, которые, однако, концентрируются в точках принятия решений» (Глинкина 2010: 13).

К сетевой коррупции относятся длительные доверительные отношения, в которые могут быть вовлечены представители государственной власти, бизнеса, а также силовых структур. Коррупционно-сетевые отношения означают систематический, хотя и не всегда (как, например, в случае клиентелы) равноценный обмен дарами и/или услугами и часто сопровождаются фактическим сращиванием бизнеса, исполнительной и законодательной власти, а также силовых структур (Agafonov, Lepele 2016).

Наиболее известным является определение отношений патрона-клиентелы, данное Ш.Н. Эйзенштадтом и Л. Ронигером. Согласно их подходу клиентела представляет собой «взаимодействия, наделяющие контрагентов достаточными ресурсами и реализующие их потребности» (Eisenstadt 1984: 47-48).

Сети клиентелы характеризуют достаточно противоречивые признаки. Здесь присутствуют и личная зависимость, и элементы солидарности; и возможность осуществления насилия и принуждения, и эксплуатация и «полулегальность» отношений; и неравенство возможностей, и обоюдная выгода (Чирун и др. 2018).

Переход к сетевой форме организации коррупционных отношений, как утверждают исследователи, удивительным образом совпал с началом первого президентского срока В.В. Путина (Ledeneva, Shekshnia 2011). С этого момента берет начало оптимизация управляемости региональных элит, которая активно осуществлялась как на институциональном, так и на личном уровне. Так, если в 1990-е гг. значительный процент финансовых потоков коррупционной направленности

проходил мимо федерального центра, то начиная с 2000-х гг. резко повышаются отчисления на уровень федеральной власти, что было обусловлено усилением контроля федерального центра над регионами. В этих условиях расценки на коррупционные транзакции региональных чиновников значительно возрастают и зачастую уже не позволяют получить полностью устраивающий заказчика результат, и тогда сетевые структуры, обладающие выходом на федеральную власть, формируют централизованный «хаб» распределения коррупционных привилегий (Бляхер, Пегин 2012).

Так, согласно исследованиям фонда «Индем», доля от оборота капитала, выделяемого фирмами на коррупционные отношения, с 2001 г. по 2005 г. увеличилась в два раза, процент же особо крупных взяток в общей структуре коррупционных отношений достиг 25% (Сатаров 2013: 15).

В типологии гибридных режимов Т. Карозерса отражены особенности государств «серой зоны», представленной гибридными режимами, в которых присутствуют характеристики как демократии (наличие конституции, выборность ветвей власти, многопартийность и конкурентность избирательных компаний), так и авторитарного режима правления (развитые структуры патроната-клиенты, системная сетевая коррупция, клановая структура элиты) (Карозерс 2002: 49).

Например, в случае России государство характеризуется конституционно оформленными критериями демократического режима (наличие конституции, выборность президента и парламента). Но хотя оппозиция частично допускается к участию в выборах, лишь одна политическая группировка безоговорочно преобладает в политической системе, вследствие чего легальная (посредством институциональных выборов процедур) смена власти в ближайшей перспективе фактически нереальна. В этой модели все властные ресурсы (включая СМИ и силовой блок) работают на удержание власти правящей группировки. При этом национальное богатство перераспределяется в пользу незначительного меньшинства, а «податное» большинство целеустремленно превращают в «новую нефть». Одновременно усиливается налоговое давление и планомерно демонтируются рудименты социального государства.

Сама система, основанная на фактической несменяемости власти, становится почвой для формирования сетевой коррупции и «капитализма для своих» (*crony capitalism*).

Причем факты доминирования в системе коррупционной составляющей в ситуации обострения экономических и социальных проблем общества могут даже получать признание на уровне политической риторики, однако на деле режим вместо действенной борьбы с коррупцией стремится поддержать лишь имитационные практики под лозунгом: «Хочешь победить коррупцию – начни с себя!»

Впрочем, и реальная борьба с коррупцией без трансформации всей политической системы не способна привести к успеху, поскольку сама сетевая коррупция и другие неформальные институты (клиентела, парантелла и др.) являются системообразующими для гибридного политического режима.

Сегодня коррупционные отношения в России уже, как правило, не сводятся к непосредственным финансовыми транзакциям (хотя и не исключают возможности последних), а носят более сложный и оттого не столь очевидный характер.

Например, к сетевой коррупции следует относить ситуации, когда предприниматели продают чиновникам земельные участки или элитную недвижимость значительно ниже их рыночной стоимости либо отдают долю в бизнесе, которая переписывается на ближайших родственников представителя власти; когда бизнес осуществляет значительные пожертвования в фонды, аффилированные с конкретными представителями власти, а в ответ получают доступ к государственному заказу, легко выигрывая всевозможные формальные тендеры; когда госчиновники приобретают возможность отчуждать значительные финансовые ресурсы, закупая услуги и товары (например, продукты питания для Росгвардии) по ценам, значительно превышающим рыночные. Такой коррупционный механизм оказывается более предпочтительным, поскольку его значительно сложнее выявить и фактически невозможно привлечь за его реализацию к ответственности.

Взаимодействие государства и бизнеса в современной России основывается на системе «ограниченного доступа» к ресурсам. В этих условиях именно неформальные практики представляют базис политико-экономической системы России,

а формальные практики являются лишь ее «парадной» институциональной оболочкой. Комбинации формального административного взаимодействия с неформальным экономическим взаимодействием создают самые благоприятные условия для развития сетевой консенсусной коррупции.

Институционализация и ритуализация отношений такого рода демонстрируют множественные форматы патрон-клиентских отношений в постсовременной России и ведут к созданию устойчивых структур, выполняющих роль институтов в распространении и поддержании моделей реализации отношений сетевой коррупции, каковыми являются клики, кланы и парантеллы.

Разумеется, в рамках институционального подхода перечисленные образования плохо соотносятся с критериями институтов, но в современной политической науке присутствует целый ряд научных школ, разрабатывающих неинституциональный подход и претендующих на обоснование различных аспектов функционирования политических процессов и отношений, которые существенно контрастируют с принятыми классическими институциональными подходами.

По мнению исследователей, клики – это «сообщества, интегрирующие своих людей на основе взаимного доверия и готовности ради общего дела пренебречь моральными и правовыми нормами в отношении других граждан» (Хлопин 1997: 74).

Все клики характеризует специфика их особых отношений, проявляющаяся во взаимозависимости членов устойчивых сетевых образований, каждое из которых имеет свои, отличные от других, интересы.

Исследователи выделяют различные типы клик, присутствующих в обществах:

- вертикальные, основанные на отношениях клиентеллы;
- вертикальные, опирающиеся на родственные или семейно-дружеские связи;
- горизонтальные сетевые между субъектами с равными статусами;
- временные клики, базирующиеся на динамике интересов.

Российская кликократия представляет собой институциональную проблему с точки зрения эффективности государственных институтов. Она связана с возникновением так называемой

институциональной ловушки, когда действуют устойчивые, но неэффективные институты (Патрушев 2011: 130).

В этом случае сохранение и декоративное существование неэффективного института компенсируется за счет возникновения новых неформальных институтов – практик, и через них формальный институт реализует потенциал своей деформализации. Таким образом, даже оптимизация правового регулирования способна обернуться распространением зон оппортунистического поведения и различных неформальных практик, а также привести к укреплению неформальных структур и даже к обострению проблем функционирования самих институтов.

В качестве кейса, демонстрирующего негативное влияние сетевой коррупции на эффективность реализации государственной политики в сфере реализации мегапроектов, можно привести Зимнюю олимпиаду в Сочи.

Важным итогом олимпийской «стройки» явилось не только многократное удорожание проекта, но и перманентная смена руководства госкорпорации «Олимпстрой», связанная с профнепригодностью и коррумпируемостью чиновников. Отметим, что последнее нашло свое отражение практически во всех реализуемых на сегодняшний день российских мегапроектах. А исследования, проводимые независимыми социологами, показали увеличивающийся разрыв между, с одной стороны, эффективностью деятельности институтов государственной власти, и, с другой стороны, неудовлетворенными ожиданиями населения (Большакова 2018).

Отметим, что, поскольку в соответствии с Федеральным законом «О государственной гражданской службе» госслужащие не имеют права легально осуществлять предпринимательскую деятельность, их теневой бизнес часто оказывается записан на членов их семьи или близких родственников – членов парантеллы. В России приватизация велась по наиболее неэффективному и коррупционному сценарию по сравнению с государствами Восточной Европы.

Лояльность власти со стороны бизнеса становилась источником привилегий в процессе приватизации государственных ресурсов и закрепления права собственности. Бизнес, имея за спиной криминальное или полукриминальное происхождение, был, как правило, не готов к использованию правовых инструментов

реализации своих интересов, предпочитая режим частных внеинституциональных договоренностей с представителями государственной власти в процессе формирования коррупционных сетей. В этих условиях, как считает А.Д. Богатуров, традиционное противопоставление государственной власти и бизнеса уже не соответствуют новым реалиям, когда извлечение прибыли и обогащение начинают рассматриваться как «глубоко политизированный общественно значимый процесс» (Богатуров 2011: 9).

Первоначально термин «парантелла» применялся юристами для констатации отношений кровного родства. В политической же науке данный термин обычно обозначает сетевую взаимодействующую структуру, интегрированную по критерию родства. Сетевая коррупционная составляющая парантелл представлена термином «непотизм», который трактуется как избирательное распределение ресурсов и возможностей по критерию родства, а также иных близких социальных связей, отличающихся от институциональных требований.

Сам факт наличия парантелл в политической и экономической жизни страны является симптомом неоархаизации системы госуправления.

Однако в России парантелла редко встречается в чистом виде (преимущественно в республиках Северного Кавказа), чаще имеют место клановые сетевые структуры, отличающиеся от парантеллы симбиозом коммуникаций, сформированных как на основе кровного родства, так и на основе иных видов сетевых контактов и отношений. Клань как инструмент реализации отношений сетевой коррупции обычно маскируются за формальными политическими институтами, но в российской политической действительности являются реальным инструментом лоббирования и имплементации политических решений.

Большинство кланов имеют универсальную структуру, в которую обычно входят: группы политических лоббистов; финансово-промышленные группы; политехнологические группы, в том числе представители массмедиа, аналитики и юристы; группы силовиков, создаваемые не только из сотрудников институционализированных силовых структур и судебного корпуса, но и зачастую из членов криминальных группировок, которые могут быть использованы для выполнения наиболее грязной работы.

Международные эксперты, представляющие Группу стран против коррупции (ГРЕКО), весной 2018 г. подготовили доклад, касающийся вовлечения российских судей и прокуроров в сетевые коррупционные отношения. Эксперты отмечают проблему объективности и доступности для представителей гражданского общества критериев, используемых при подборе, отборе, назначении и продвижении судей. При этом позиция исполнительной ветви власти, по мнению экспертов, имеет слишком большое значение при подборе судей. Актуальная проблема прозрачности и объективности, как полагают эксперты, характеризует и систему отбора в прокуратуры, и распределение дел между ними (Russia... 2018).

В последние годы в России существенно снизилось количество проверок бизнеса со стороны контролирующих инстанций (что, кстати, явилось одной из причин трагедии 25.03.2018 г. в Торговом центре г. Кемерово «Зимняя вишня»). В условиях контемпоральной российской действительности сокращение проверок свидетельствует лишь о централизации коррупционных потоков, но, к сожалению, не об изживании коррупционных отношений.

В ситуации международных санкций и экономического кризиса бизнес зачастую оказывается вынужден сокращать свое участие в программах корпоративной социальной ответственности, что привело к ухудшению условий ведения бизнеса для значительного количества категорий предпринимателей.

В новых условиях сетевая коррупция проявляется уже не как дополнительная гарантия стабильности существующего режима, а как основная причина стагнации российской экономики. Это обусловлено тем, что руководители при отборе кандидатов на вакансии отдают предпочтение не самым квалифицированным, а наиболее лояльным кандидатам, как правило, уже связанным с руководством узлами сетевой коррупции в структуре административного общества. Так возникает парадокс, выраженный в интернет-меме: «Набрали верных, а спрашивают, как с умных».

Российская модель административного общества – это национальная стратегия адаптации государственных институтов к изменившейся экономической и политической ситуации и новым «посткрымским» условиям международных отношений. Базисом административного общества выступает симбиоз административно-управленческих и финансово-экономических

институтов, реализуемый через сращивание «власти» и «собственности». Характерными чертами такого общества являются: доминирование рентной экономики перераспределительного типа; квазисословная стратификация общества, основанная на кланово-кликократической организации, сетевых структурах клиентелы и парантеллы; ориентация на воспроизводство сложившейся системы неопатримониальных общественных отношений в ущерб перспективам ее инновационного развития.

В административном обществе отсутствует конкурентный рынок, а система острого неравенства выстраивается по критерию возможности для рентного доступа, определяемого степенью обладания ресурсами государственной власти.

Данная ситуация наблюдается сегодня фактически во всех сферах экономики, политики, управления, начиная от ротации чиновников на должности в региональной администрации и заканчивая распределением дотаций и финансовой поддержки регионов со стороны федерального центра. Таким образом, сетевая коррупция предполагает избирательное распределение ресурсов в сетевом пространстве клиентелы и может быть рассмотрена как часть политической стратегии, укрепления и централизации власти.

В контексте антикоррупционной повестки дня оценивание эффективности государственной политики и государственных проектов в России пока так и не стало необходимым элементом системы государственного управления, нередко существуя лишь в риторике официальных лиц. Подобное положение зачастую приводит к распылению имеющихся в наличии ресурсов, не позволяя повышать эффективность решения государством общественно-политических проблем. Как отмечает социолог Овсей Шкаратан, сегодня россияне преимущественно живут в условиях бедности, и, хотя большинство из них работает, их доходы не превышают размеров прожиточного минимума. Но социальная бедность и неустроенность населения отнюдь не являются препятствием для наблюдающегося роста числа олигархов (Шкаратан 2018).

Как можно судить по опыту реализации национальных мегапроектов, в настоящее время в России отсутствуют механизмы жесткой и беспристрастной оценки фактических результатов в управленческой практике.

Вместе с этим объективное оценивание эффективности государственной политики является важнейшим инструментом повышения качества государственного управления, оптимизации функционирования всех государственных институтов. В России созрели предпосылки для системных трансформаций, поскольку страна оказалась в совершенно новой политической реальности, где коррупционно-договорные квазитехнологии административно-имитационных избирательных кампаний перестают быть достаточным основанием для убедительной победы на выборах представителей правящей партии.

Изменение политического сознания результируется в изменение политического поведения, что продемонстрировали итоги единого дня голосования 09.09.2018 г. В этот день «Единая Россия» оказалась накрыта антиистеблишментной волной и попала в зону кризиса доверия граждан. По всей России существенно выросла протестная мобилизация электората и снизилась лояльность власти региональных элит и административных структур.

И хотя в российском обществе пока преобладают пассивные и конформистские модели политического участия, а среди прочих доминируют сторонники конвенциональных форм протеста, но тот факт, что власть демонстрирует нежелание или неспособность применять в работе с населением конкурентные (рыночные) политические технологии, отдавая приоритет технологиям административным, а по сути коррупционно-сетевым, создает угрозу дальнейшей «невротизации» общественного сознания, отдельные проявления которой, как показали деструктивные события в Керчи и Архангельске, обретают свою актуальность уже сегодня.

Все это, безусловно, определяет вектор пространства актуальных угроз с точки зрения перспектив стабильности существующей в России политической системы.

Материал поступил в редакцию 25.09.2018 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барсукова С.Ю. 2015. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики. 216 с.
- Бляхер, Л.Е. Пегин Н.А. 2012. Коррупция как политическая проблема: кто как и зачем сражается с коррупцией в России // Политика. № 4. С. 89-103.
- Богатуров А.Д. 2011. Понятие экономической политологии и особенности её проблемного поля в России // Полис : Полит. исслед. № 4. С. 8-19.

Большакова Ю.М. 2018. Эффективность государственного управления и региональных институтов власти в оценках населения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. Т. 24, № 3. С. 150-168.

Гельман В.Я. 2015. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 44 с.

Глинкина С.П. 2010. Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. № 4. С. 3-17.

Карозерс Т. 2002. Конец парадигмы транзита // Полит. наука. № 2. С. 42-65.

Левин С.Н., Саблин К.С., Руцкий В.Н. 2018. Практики взаимодействия предпринимателей с властью в регионах «ресурсного типа» современной России: «картины власти» и подходы к исследованию // Мир России. Т. 27, № 3. С. 6-27.

Мартыанов В.С. 2016. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис : Полит. исслед. № 4. С. 81-99.

Мельников К.В. 2018. Неопатримониализм: классификация как способ преодоления концептных натяжек // Полис : Полит. исслед. № 2. С. 68-81.

Навальный получил от правительства компенсацию по делу «Ив Роше» [Электронный ресурс], 02 авг. 2018. URL:<https://www.interfax.ru/russia/623666> (дата обращения: 30.08.2018).

Патрушев С.В. 2011. Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации // Полис : Полит. исслед. № 6. С. 120-133.

Радаев В.В. 1998. Коррупция и формирование российских рынков: отношения чиновников и предпринимателей // Мир России. № 3. С. 57-90.

Сатаров Г.А. (ред.) 2013. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа / под ред. Г.А. Сатарова. М. : Фонд «Либерал. миссия». 752 с.

Телин К.О. 2018. Имитация государственной состоятельности: хищник вместо управленца // Социолог. обозрение. Т. 17, № 2. С. 39-61.

Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Полит. концептология. № 4. С. 158-187.

Хлопин А.Д. 1997. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. Т. 2, № 4. С. 60-76.

Хлопин А.Д. 2004. Деформализация правил: причина или следствие институциональных ловушек? // Полис : Полит. исслед. № 6. С. 6-15.

Чирун С.Н. и др. 2018. Взаимодействие с органами региональной власти на примере Кемеровской области: проблемы и технологии / С.Н. Чирун, А.В. Николаев, Е.А. Боброва, А.С. Луцык, Э.О. Шмит // Власть. Т. 26, № 7. С. 33-38.

Шкаратан О.И. 2018. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Т. 27, № 2. С. 6-35.

Transparency International. Индекс восприятия коррупции [Электронный ресурс], 2017. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korrupsiy-2017-posadki-ne-pomogli.html> (дата обращения: 30.08.2018).

Agafonov Y., Lepele V. 2016. The Golden Doors to Russian Business Elite: the Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia // Mir Rossii. Vol. 25, no 3. P. 97-125. (in Russ.).

- Bavister-Gould A. 2011. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States // Concept Brief. № 1. P. 1-9.
- Clapham Ch.S. 1985. Third World Politics: An Introduction. London : Helm. 208 p.
- Eisenstadt S.N., Roniger L. 1984. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. New York : Cambridge Univ. Press. 343 p.
- Huntington S. 1968. Political Order in Changing Societies. New Haven, Conn. : Yale Univ. Press. 488 p.
- Ledeneva A. Shekshnia S. 2011. Doing Business in Russia: Informal Practices and Anti Corruption Strategies // Russie. Nei. Visions. № 58. P. 1-27.
- Medard J.F. 1982. The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neo-patrimonialism? // Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State. London : Frances Pinter. Vol. 162. P. 162-192.
- Meon P.G., Sekkat K. 2005. Does corruption grease or sand the wheels of growth? // Public Choice. Vol. 122. P. 69-97.
- Russia: Council of Europe anti-corruption watchdog calls for more transparency and public accountability amongst parliamentarians, judges and prosecutors [Электронный ресурс], 2018. URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016807955a5 (дата обращения: 30.08.2018).
- Wertheim W.F. 1970. Sociological Aspects of Corruption in Southeast Asia // Political corruption: readings in comparative analysis / ed. by Arnold J. Heidenheimer. New York : Holt, Rinehart and Winston. P. 195-211.
- Yakovlev A. 2013. Is there a 'new deal' in state-business relations in Russia? // BOFIT Online. № 7. P. 3-14.

Sergey N. Chirun, Doctor of Political Science, Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Kemerovo State University (KemSU), Kemerovo, Russia. E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

CONSENSUS (NETWORK) CORRUPTION AND PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF STATE POLICY

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of consensual or network corruption that is acute for Russia. According to the author, the total dominance of this corruption is one of the main reasons for the insufficiency of the Russian model of capitalism, and the incompleteness of political transit.

According to the author, corruption relations grow in our country on a fertile ground representing a neo-patrimonial style of government.

The author gives a description of the main characteristics of this style of government, emphasizing that in the context of neo-patrimonialism the ruling groups have uncontrolled opportunities to use the implementation of the most important social functions and institutional procedures as a source for personal enrichment and prosperity to the detriment of the public interest.

The article deals with the problems of regulation of interaction between the executive bodies of state power and the institutes of civil society and business. The author shows why and how the anti-corruption discourse today appears on the forefront of the political life of the society, and why real achievements in fighting corruption are so few in our country.

Thus, in the author's opinion, the numerous anti-corruption campaigns inspected from the Kremlin has only the main goal of redirecting financial flows to strengthen control over political and economic resources in order to improve the manageability of the power vertical, but are not directed at eradicating corrupt relations.

The article names different types of corruption relations, and also points out that corruption – and especially network corruption – seriously harms Russia's socioeconomic and political development; even in the end of the post-Crimean political consensus, it still threatens Russia's national security and sovereignty.

The author redirects attention from the neo-institutional approach to the structures of real rather than formal social relations, and first of all, to the structures of the relationship between power and society, on which the manifestations of network corruption parasitize.

The author insists on the need for an early and radical transition in the fight against corruption from today's simulative anti-corruption campaigns to a real fight against this phenomenon, which should be addressed primarily to the network form of corruption, and eventually lead to changes at the level of organization of the management structure.

Keywords: neo-patrimonialism; rent-oriented behavior; administrative society; clan; political transit; clientella; parantella; nepotism.

References

Agafonov Y., Lepele V. The Golden Doors to Russian Business Elite: the Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia, *Mir Rossii*, 2016, vol. 25, no. 3, pp. 97-125. (in Russ.).

Barsukova S.Yu. *Esse o neformal'noy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [The essay on the informal economy, or 16 shades of gray], Moscow, Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2015, 216 p. (in Russ.).

Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States, *Concept Brief*, 2011, no. 1, pp. 1-9.

Blyakher, L.E. Pegin N.A. *Korrupsiya kak politicheskaya problema: kto kak i zachem srazhaetsya s korrupsiyey v Rossii* [Corruption as a political problem: who, how and why, is fighting corruption in Russia], *Politiya*, 2012, no. 4, pp. 89-103. (in Russ.).

Bogaturov A.D. *Ponyatie ekonomicheskoy politologii i osobennosti ee problemnogo polya v Rossii* [The concept of economic political science and features of its problem field in Russia], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2011, no. 4, pp. 8-19. (in Russ.).

Bolshakova Yu.M. *Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya i regional'nykh institutov vlasti v otsenkakh naseleniya* [Effectiveness of public administration

and regional institutions of power in population estimates], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2018, vol. 24, no. 3. pp. 150-168. (in Russ.).

Chirun S.N., Nikolaev A.V., Bobrova E.A., Lutsyk A.S., Shmit E.O. *Vzaimodeystvie s organami regional'noy vlasti na primere Kemerovskoy oblasti: problemy i tekhnologii* [Interaction with regional authorities on the example of the Kemerovo region: problems and technologies], *Vlast'*, 2018, vol. 26, no. 7, pp. 33-38. (in Russ.).

Clapham Ch.S. *Third World Politics: An Introduction*, London, Helm, 1985, 208 p.

Eisenstadt S.N., Roniger L. *Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society*, New York, Cambridge Univ. Press, 1984, 343 p.

Fisun A.A. *K pereosmysleniyu postsovetskoy politiki: neopatrimonial'naya interpretatsiya* [Towards a rethinking of post-Soviet politics: a neo-patrimonial interpretation], *Politicheskaya kontseptologiya*, 2010, no. 4, pp. 158-187. (in Russ.).

Gelman V.Ya. *Modernizatsiya, instituty i «porochnyy krug» postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, institutions and the vicious circle of post-Soviet neo-patrimonialism], St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015, 44 p. (in Russ.).

Glinkina S.P. *Fenomen korruptsii: vzglyad ekonomista* [The phenomenon of corruption: the view of the economist], *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2010, no. 4, pp. 3-17. (in Russ.).

Huntington S. *Political Order in Changing Societies*, New Haven, Conn., Yale Univ. Press, 1968, 488 p.

Karozers T. *Konets paradigmy tranzita* [The End of the Paradigm of Transit], *Politicheskaya nauka*, 2002, no. 2, pp. 42-65. (in Russ.).

Khlopin A.D. *Deformalizatsiya pravil: prichina ili sledstvie institutsional'nykh lovushek?* [Deformalization of rules: the cause or effect of institutional traps?], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2004, no. 6, pp. 6-15. (in Russ.).

Khlopin A.D. *Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva v Rossii: institutsional'naya perspektiva* [Formation of civil society in Russia: institutional perspective], *Pro et Contra*, 1997, vol. 2, no. 4, pp. 60-76. (in Russ.).

Ledeneva A. Shekshnia S. *Doing Business in Russia: Informal Practices and Anti Corruption Strategies*, *Russie. Nei. Visions*, 2011, no. 58, pp. 1-27.

Levin S.N., Sablin K.S., Rutskiy V.N. *Praktiki vzaimodeystviya predprinimateley s vlast'yu v regionakh «resursnogo tipa» sovremennoy Rossii: «kartiny vlasti» i podkhody k issledovaniyu* [Practices of interaction of entrepreneurs with power in the regions of the resource type of modern Russia: pictures of power and approaches to research], *Mir Rossii*, 2018, vol. 27, no. 3, pp. 6-27. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Rossiyskiy politicheskiy poryadok v rentno-soslovnoy perspektive* [Russian political order in the rent-class perspective], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2016, no. 4, pp. 81-99. (in Russ.).

Medard J.F. *The underdeveloped state in tropical Africa: Political clientelism or neo-patrimonialism? Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State*, London, Frances Pinter, 1982, vol. 162, pp. 162-192.

Melnikov K.V. *Neopatrimonializm: klassifikatsiya kak sposob preodoleniya kontseptnykh natyazhek* [Non-patrimonialism: classification as a way of overcoming conceptual stretching], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2018, no. 2, pp. 68-81. (in Russ.).

Meon P.G., Sekkat K. Does corruption grease or sand the wheels of growth? *Public Choice*, 2005, vol. 122, pp. 69-97.

Navalnyy *poluchil ot pravitel'stva kompensatsiyu po delu «lv Roshe»* [Navalny received compensation from the government], August 02, 2018, available at: <https://www.interfax.ru/russia/623666> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).

Patrushev S.V. *Klikokraticheskiy poryadok kak institutsional'naya lovushka rossiyskoy modernizatsii* [Kliokraticheskiy order as an institutional trap of the Russian modernization], *Polis : Politicheskie issledovaniya*, 2011, no. 6, pp. 120-133. (in Russ.).

Radaev V.V. *Korruptsiya i formirovanie rossiyskikh rynkov: otnosheniya chinovnikov i predprinimateley* [Corruption and the formation of Russian markets: the relationship of officials and entrepreneurs], *Mir Rossii*, 1998, no. 3, pp. 57-90. (in Russ.).

Russia: *Council of Europe anti-corruption watchdog calls for more transparency and public accountability amongst parliamentarians, judges and prosecutors*, 2018, available at: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016807955a5 (accessed August 30, 2018).

Satarov G.A. (red.) *Rossiyskaya korruptsiya: uroven', struktura, dinamika: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Russian corruption: level, structure, dynamics: the experience of sociological analysis], Moscow, Fond «Liberal'naya missiya», 2013, 752 p. (in Russ.).

Shkaratan O.I. *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo v sovremennom mire i stanovlenie novykh form sotsial'nogo rassloeniya v Rossii* [Social and economic inequality in the modern world and the emergence of new forms of social stratification in Russia], *Mir Rossii*, 2018, vol. 27, no. 2, pp. 6-35. (in Russ.).

Telin K.O. *Imitatsiya gosudarstvennoy sostoyatel'nosti: khishchnik vmesto upravlentsa* [Simulation of state consistency: a predator instead of a manager], *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 39-61. (in Russ.).

Transparency International. *Indeks vospriyatiya korruptsii* [Corruption perception index], 2017, available at: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2017-posadki-ne-pomogli.html> (accessed August 30, 2018). (in Russ.).

Wertheim W.F. *Sociological Aspects of Corruption in Southeast Asia*, A.J. Heidenheimer (ed.) *Political corruption: readings in comparative analysis*, New York, Holt, Rinehart and Winston, 1970, pp. 195-211.

Yakovlev A. Is there a new deal in state-business relations in Russia? *BOFIT Online*, 2013, no. 7, pp. 3-14.